

Валерий КОПНИНОВ

ПОИСК — ПРОЦЕСС БЕСКОНЕЧНЫЙ...

Художник Виталий Борисов

*Искусство
пребывает в стремлении.
Вы никогда не дойдете,
но продолжаете идти
в надежде, что придете.*

**Ансельм Кифер,
немецкий художник и скульптор**

Виталий Борисов — художник, воспитанный советской школой живописи. Школой, дававшей не только профессиональные навыки, широкие знания в области истории искусства, но и ощущение цели, к которой настоящий художник идет всю свою творческую жизнь.

Виталий Владимирович — выпускник художественно-графического факультета Семипалатинского педагогического института, кафедры живописи.

Семипалатинск — родной город Виталия Борисова, там он и родился, в тогда еще Казахской ССР, одной из республик большого Советского Союза. Рисовать любил с детства. Не дружа с красками, рисовал нечто графическое: и карандашом, и просто ручкой. Много лепил — нравилось работать с материалом. Так постепенно и развивалась в нем симпатия к живописи без посещения считающейся обязательной в таких случаях художественной школы. Похоже та самая симпатия к живописи досталась Виталию Владимировичу от отца по наследству, у отца и учился на первых порах — тот тоже любил рисовать и в целом был человеком разносторонним.

— Отец у меня — человек интересный, — рассказывает Виталий Владимирович. — Он и стихи писал, что называется, в стол, не публиковал никогда. И рисовал. Но специального образования нигде не получал. Он детдомовский, рано начал работать, чтобы себя, а потом и семью содержать, всю жизнь на стройке проработал. И он многое умел. Сам собрал мотоцикл. Сам сконструировал и сделал такую штуку, чтобы кататься на лыжах под парусом. И рисовал тоже, вернее он не рисовал — срисовывал. С открыток перерисовывал — я одну работу видел у бабушки соседской, он ей подарил, и работа у нее висела. И вот глядя на него, видимо, и я начал рисовать...

Жизнь строилась по обычной схеме — школа, потом армия. И там, и там оформлял стенгазеты. А когда пришел из армии, мама Виталия настояла на его поступлении в вуз, сказала: «Рисовать умеешь хорошо, иди, поступай в пединститут, учишься на художника». А у него тогда желания идти «учиться на художника» и близко не было. Но, можно сказать, навалились всей семьей, убедили, чуть ли не за руку отвели в приемную комиссию.

— Я пошел, документы подал, — вспоминает Виталий Владимирович. — На тот момент все совпало, получается, что профессия меня сама выбрала. А пока шел период подготовки к поступлению, я в техникуме два художественных панно оформил. За работу я брался без страха. И когда поступил — учился заочно и работал художником-оформителем. Так дальше и пошло.

Графику Виталий Борисов любил с детства. Впрочем, не просто любил — другой техники и не знал. Тогда цвет для начинающего художника был некой абстрактной вещью. Сказывалось отсутствие специальной подготовки.

— Я вообще удивляюсь тому, — признаётся Виталий Владимирович, — что мне на вступительных экзаменах в педагогический тройку поставили. Мы по изобразительному искусству сдавали живопись, рисунок и композицию. Рисунок и композиция для меня проблем не составляли, а живопись — темный лес. Как можно красками рисовать? Да, я перед этим позанимался, пописал, в результате что-то там намалевал и тройку на экзамене получил. То есть прошел по конкурсу. И для меня цвет оставался тем же «темным лесом», когда уже в институте учился. Основная масса сокурсников закончила художественные школы, и у них было понятие теплого тона, холодного тона. А я ни бум-бум практически. Я рисовал как красил, да собственно — красил. И вот на занятиях мне подсказывают: «Ты холодненькую краску добавь в тень». Я спрашиваю: «Какую холодную?» Они смеются. «Ну, синюю». И вот я синюю добавил — ух ты, открытие, чудеса! Что-то получилось. И с этого началось. Я как раз в тот момент купил альбом Константина Коровина, хороший такой альбом с качественными репродукциями его картин. Я смотрю — цвет, смотрю — мазки такие интересные. А почему такие? Не соображу. И вот мне понадобился год учебы, проб собственных, поисков и открытий, чтобы через год, однажды, открыв альбом Коровина, понять, как это классно написано! Год ушел на понимание цвета. Вот и получается, что понимание работы с цветом ко мне пришло через Коровина. В дальнейшем многому я учился у художников объединения «Бубновый валет»: у Лентулова, а более у Куприна. А через них, через «бубновых» — у Сезанна (они все в определенной степени его последователи). И в поисках себя как художника я шел именно в этом направлении.

Да и в институте Виталию Владимировичу с педагогами повезло. Одним из них был Владимир Ильич Третьяков — сам художник хороший

и педагог талантливый. Третьяков как раз Борисова по живописи подтянул — он и Виктор Чайкин. Причем Третьяков был реалист, а Чайкин — любитель экспериментов в живописи. Корни его художественных предпочтений росли всё из той же русской группы художников «Бубновый валет» — творческого объединения раннего авангарда.

— Я сначала тянулся за Чайкиным, — шутит Виталий Борисов. — И наступил момент, когда Третьяков сказал про мою работу: «Ну что это такое, это же Чайкин». Меня такое заключение подвинуло к мысли, что надо бы уже себя искать. И начал дальше двигаться. А потом, когда стали делать дипломные работы, мне сказали: «Ну ты прямо как Третьяков».

И верно — именно тогда пришло время искать себя. Пришло, зафиксировало точку входа и двинулось вперед, не устанавливая точки выхода бесконечному поиску.

— Поиск происходит в себе, — рассуждает Виталий Владимирович. — Всё в себе. Меняешься ты — меняется мир. Меняется все. Что-то внутри открывается, и соответственно смотришь на мир — уже по-другому, другое понимание мира приходит. Я много читал, читал с детства, а с какого-то момента мне стала интересна философия, учения, практики, много было встреч интересных, побывал в Индии... И внутренний поиск, поиск ответа на вопрос, кто я такой, и мои ответы на этот вопрос влияли на понимание живописи. Не искусство на понимание себя, а в обратном порядке. Человеку вообще, а творческому человеку и подавно важны знания не сами по себе, а знания, использованные в практическом применении. Сделал, получилось и начинаешь дальше копать. И тогда восприятие мира понемногу меняется, начинаешь на глобальные процессы смотреть, и они становятся более понятными.

Все жанры для Виталия Борисова уважаемы равно — пейзаж, портрет и натюрморт. И, конечно, графика.

А еще он из тех художников, которых не меньше конечного результата интересует процесс. А может быть, процесс интересует его даже больше. И это не догадки — об этом свидетельствует сам Виталий Владимирович:

— Вот что, к примеру, интересно в портрете. Я для себя обнаружил. Не тогда, когда были постановки учебные, а когда серьезно начал писать портреты. Допустим, ты человека знаешь очень долгое время, начинаешь его писать и вдруг понимаешь — не знаешь его, оказывается. Поначалу сложно работа идет, а потом человек начинает раскрываться, и раскрывается он по-другому, неожиданным образом. А иной раз вообще бросаешь работу или ликвидируешь портрет совсем, потому что понимаешь — вообще все куда-то не туда идет, это не то, это не настоящее.

То же и с пейзажем в Горном Алтае. Первый раз, когда я попал в Горный, не мог писать. Нужно было несколько раз туда съездить, чтобы это пространство прочувствовать: одно дело плоскости, даже леса, а горы — иная

форма жизни. Не с первого раза пошло у меня. Один этюд не получился, другой, потом приезжал, писал — опять не получалось. А прочувствовал пространство, и пошла работа. Пошла, но только с горами, а вот Катунь не получалась по-прежнему. Ну, казалось бы — вода и вода. Я до этого воду писал спокойно, и озера, и Обь, а вот Катунь — не шла. И это была долгая история — пишу, не то и всё тут. Но потом и Катунь пошла, возможно, дух у нее особенный, другого объяснения не вижу. Природа, как человек, просто так не дается — нужно в нее проникнуть.

У природы и человека необходимо передать не только и не столько внешнее сходство, сколько внутренний мир, сущность, глубину, а без этого будет просто картинка, бессодержательный спектакль. Кстати, я понял, что и картина, и спектакль строятся по одним законам. Если начинаешь понимать, как строится картина, то начинаешь понимать и как строится спектакль. И все недочеты видишь сразу, где недотянуто, а где, наоборот, лишнее привнесено, неправильно сделано. Сцена — на ней все должно быть построено грамотно, там же случайного ничего нет и быть не должно. Это для меня тоже стало открытием, когда я начал работать в театре (Виталий Борисов в настоящее время работает заведующим декорационно-бутафорским цехом в Молодежном театре Алтая. — *Прим. автора*). Так-то как зритель я приходил, смотрел, с тем и уходил, а когда вошел в работу, понимание стало совсем другим. Но в этом и минус большой — я от спектаклей перестал получать удовольствие. Вижу недочеты... Впрочем, так же, как и от живописи. Прочитал я, по-моему, у Чайковского, он говорил так: «Я люблю живопись и музыку. Но от музыки я не получаю удовольствия. А в живописи я профан, и оттого наслаждаюсь ей». А у меня теперь две беды — живопись и театр. Потому что сразу идет анализ — прихожу на выставку, мозг начинает работать. Точно так же на спектаклях — я смотрю и анализирую.

«Смотрю» и «анализирую» — для Виталия Борисова это ключевые слова в подходе к работе, к собственному творчеству. Для художника важно суметь строго спросить с себя, «по гамбургскому счету». А равно — уметь принять здоровую критику, уметь услышать критикующего и услышанное тоже — анализировать.

— По факту самые мои надежные критики — мои друзья. Которые будут категорически ругать, и для меня это более ценно, чем похвала в общих фразах. Первый из них — Евгений Скурихин, я у него, можно сказать, целую художественную академию закончил. Еще есть Наталья Красикова и Валентин Шепило. Это три человека, мнение которых для меня особенно важно. Они не будут говорить, мол, знаешь, старик, немного не получилось, а в целом неплохо — они разругают, разгромят в пух и прах.

Похвала, конечно, тоже нужна, но не всякую похвалу беру к сердцу. И расскажу вот какую историю. Есть у меня работа, не считаю ее очень удачной, и тем не менее она присутствовала несколько лет назад на выставке, посвященной зиме. В один из дней я бродил по выставке, народу было немного, вижу — пришли две женщины и с ними маленький ребенок лет пяти, а то и поменьше. Наблюдаю: женщины идут спокойно, а ребенок по залу

с картинами бегом бежит. Бежит, бежит — раз, где-то остановится у картины, постоит, посмотрит и дальше бежит. Я смотрю: и у моей работы тоже остановился, постоял, посмотрел. И мне стало приятно — что-то ведь заставило его остановиться, значит, что-то в моей картине есть такое, что его захватило.

История эта, разумеется, рассказана в шутку. А если серьезно, многие работы Виталия Борисова заставляют остановиться, взглядеться, потому что вызывают у зрителя искренний интерес.

Кто-то задержится у портретов, тех, что в процессе создания заставляли Виталия Владимировича проникнуться, понять суть того человека, над чьим портретом он работал, заглянуть ему в самую душу, уловить его мысли и чувства. Таков, к примеру, «Портрет Виталия Одинцова», где художник с предельной точностью смог передать состояние человека, смятение его внутреннего мира. Тогда, в момент написания, у героя картины был очень трудный жизненный период. И есть такое подтверждение творческой удачи художника: на одной из выставок «Портрет Виталия Одинцова» увидела его мама, и она вспомнила то прошлое состояние сына и подтвердила: «Да, в это время он был именно такой».

Другие остановятся у городского пейзажа «Вечер полной луны», где в зыбких лунных сумерках привычное городское пространство меняется, становится мистическим, словно в прочитанных еще в детстве повестях Н. В. Гоголя, соединяя сны с явью, равняя земное и скоротечное с космическим и бесконечным.

А может, у серии картин «Черная луна. Предчувствие», «Пятый ангел» и «Играет русская гармонь». Понятие серии для этих картин условное: они и по годам различаются, и написаны достаточно по-разному. Но при этом связаны они общей темой. Изломанное, искаженное пространство «Черной луны», рубцы на когда-то гладких луковицах соборных куполов — трех куполов, символизирующих Живоначальную Троицу и перекликающихся незримо с иконой Рублёва «Троица». Люди, идущие в этот покореженный трехкупольный храм. На раскаяние? В последней надежде на спасение?.. А следом — «Пятый ангел» и отраженные в лицах разноцветные сполохи времени, искаженного грехом человеческих душ. Пятый ангел — ангел Апокалипсиса, описанный в Откровении Иоанна: «Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладезя бездны...» Пятый ангел — посланец Божьего гнева тем, кто не раскаялся и не уверовал... А в завершение метафорического пути трилогии все-таки лихо «Играет русская гармонь» — самозабвенно тянущий меха гармонист, у которого совсем по-русски не то что шапка, а сама голова набекрень сдвинута, а у ног его поверженный Змей...

— Живопись Борисова отличается от местной алтайской школы, — рассказывает о Виталии Борисове член Союза художников России Наталья Красикова. — Он обладает той живописной культурой, которая не опирается

на прямое сходство, узнавание и имеет в своей основе более глубокие творческие корни. Ему интересен и сам изобразительный язык как материал, из которого создается произведение. В работах Виталия нет каких-то особенных, эффектных мотивов, состояний, сложно сочиненных композиционных решений. Они просты, но удивительно красивы и гармоничны. Получаешь удовольствие от найденных цветовых сочетаний, от того, что цвет, как сказал один художник, не притворяется деревом, травой или облаком, а остается цветовой формой. Декоративность, которую мы узнаем в его работах и которая предполагает определенную степень условности и цветовой сдержанности, преобразается, превращаясь в мир тонких живописных и эмоциональных переживаний, в которых есть свет, тепло и любовь. Таков и сам автор.

Таков и сам автор — Виталий Борисов. Человек и художник, ищущий и не останавливающийся на достигнутом.

— Художник должен учиться и это бесконечный процесс, — на уровне закона формулирует для себя Виталий Владимирович. — Если художник перестанет учиться, он перестанет быть художником. Без этого никак. Это постоянные сомнения, неудовлетворенность тем, что сделано. Если ты собой доволен и поиск прекращаешь — это фактическая смерть. Да, довольному и остановившемуся красивые картинки создавать еще возможно, но внутреннего наполнения в этих работах не будет.

Давным-давно я прочитал биографию знаменитого художника Николая Николаевича Ге. Он работал, писал картины... И вдруг остановился на целых десять лет. Ничего не писал. А через десять лет начал создавать работы на библейские темы, и они получились настолько мощные, разительно отличающиеся от того, что он делал раньше. Картины, страшные своим внутренним событийным содержанием. При том что написаны картины были технически несложно, они невероятно точно передавали ужас происходящего. Я удивился, когда увидел их. Это пример того, как человек и художник искал смыслы, заряжался ими.

За эти три года работы в театре я углубился в него и мало работаю в плане живописи, рисунка... Но не театр тому виной. Наступил момент, когда потребовалось ответить себе на вопрос: куда идти? Когда нужно было прояснить — что дальше делать? Сейчас — всё, уже знаю, дорога намечилась...

